

ВТОРОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПИСЬМАМ ИЗ МОСКВЫ

Когда я писал своё первое послесловие к моим письмам из Москвы, я сознательно или бессознательно оставил за рамками повествования событие, которое с полным основанием можно считать и случившимся, и не случившимся. Но обо всём по порядку.

Пять студенческих лет, проведённых в краевом центре, дали мне большую, можно даже сказать — огромную, пищу для размышлений и для личностного роста. Жизненный опыт мой значительно пополнился и расширился, хотя связь с родительским домом, с отцом-матерью была довольно прочной, вполне осязаемой и зримой.

На летних каникулах я приезжал в Тюхтет и окунался в атмосферу районного центра. Атмосферу, в которой я провёл восемь лет — с момента переезда нашей семьи из Ирбея в Тюхтет, произошедшего в июле 1964 года, до момента моего отъезда из Тюхтета в Красноярск на месячные подготовительные курсы по поступлению на математический факультет Красноярского государственного университета. Вообще-то желание поступить на математический факультет появилось у меня в начале девятого класса, когда я купил брошюрку для поступающих в Московский

государственный университет, что привело, по крайней мере, к двум последствиям. Во-первых, я стал решать и прорешивать задания, которые предлагались на экзаменах по математике в предыдущие годы, и, во-вторых, заинтересовался двухгодичными заочными курсами по поступлению на механико-математический факультет МГУ.

Однако в те годы между желанием поступить на двухгодичные курсы по поступлению в МГУ и его реализацией проходила черта, или, если хотите, красная линия. Поступающему требовалось предоставить характеристику-рекомендацию, заверенную подписями директора школы и руководителей трёх общественных организаций — профсоюзной, партийной и комсомольской. Поскольку я на тот момент представлял молодёжь несоюзную, в характеристике-рекомендации мне было отказано. Отказано с пояснениями, что, мол, если я останусь несоюзной (читай — несознательной) молодёжью, то и моё поступление в любое высшее учебное заведение, не говоря уже о Московском государственном университете, будет под большим вопросом. В комсомол я вступил ещё в девятом классе, а в десятом классе сделал два больших шага для поступления, но уже не в МГУ, а в КГУ.

В декабре 1971 года я хорошо, можно даже сказать — отлично, выступил на краевом шахматном турнире сельских шахматистов, поделив четвёртое-пятое места при более чем тридцати участниках и выполнив норму первого разряда. Забегая вперёд, скажу, что я в течение пяти студенческих лет представлял университет на краевых шахматных соревнованиях, играл на первой доске и лишь однажды уступил первую доску будущему гроссмейстеру и двукратному чемпиону СССР по шахматам среди мужчин Льву Псахису.

Второй и столь же большой шаг к поступлению в КГУ я сделал, успешно выступив в марте 1972 года на краевой предметной олимпиаде по математике, следствием чего стало именное приглашение поступать на математический факультет университета. Во время сдачи документов в приёмную комиссию две моих будущих одноклассницы (об этом я узнал значительно позднее) заглянули в мою анкету, увидели запись о первом спортивном разряде по шахматам и сделали союзный вывод: «Этот поступит!»

Резь «Фридрих Габер»
Фотолито И. Матвеева
Резьбильщик В. Орловский

Милой Виталиночке!
Поздравляем тебя
с юбилеем с 19-летием!
Желаем тебе всего
самого наилучшего.
Будь таким же смелым
и приветливым.
Чаще улыбайся и
иди же-у твоих ног.
Будь счастливым!

Твоя бабушка, Валентина
и дядя Боря

1000 11. 3 к. Пенза 4-2-4
1940 г. 3. 117. КПХ 73

24/11-132

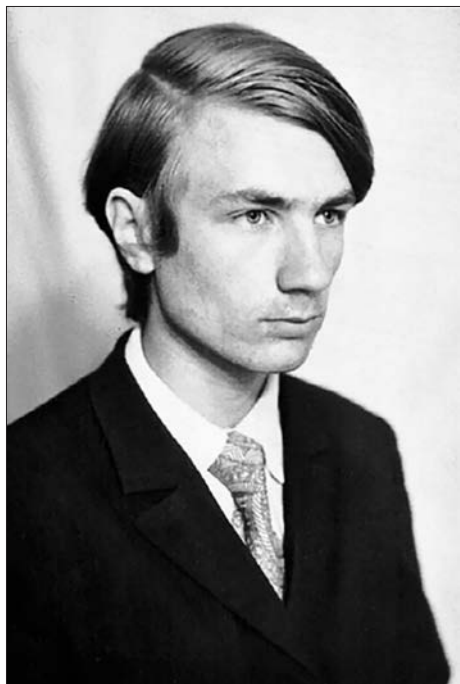
Пересылать в открытой виде не подлежит

«Раскололись» две мои замечательные одноклассницы о «делах давно минувших дней» и «преданьях старины глубокой», когда мы все ещё были абитуриентами, при вручении мне вот этой поздравительной открытки.

Но нигде, ни в каких анналах не была зафиксирована третья составляющая моего стремления грызть гранит науки и получать высшее образование. Эту составляющую можно было бы поставить и на первое место, поскольку это материальная база — материальное обеспечение моих пяти студенческих лет. К моменту моего окончания Тюхтетской средней школы и получения аттестата зрелости родители мои были уже пенсионерами, и если только отталкиваться от пенсий, получаемых отцом и матерью, то ни о каком обучении, тем более таком протяжённом — пятилетнем по времени, речи вести не приходилось. И тут поднимаются ещё два фактора: отец много лет работал пастухом, пас скот нескольких тюхтетских улиц, мы ему по мере сил помогали в этом нелёгком труде, а мама умела управлять семейным бюджетом, не давая деньгам, получаемым от пастьбы скота, разлетаться и транжириться по пустякам. После того, как поступил на математический факультет Красноярского университета, мама завела мне сберегательную книжку

и регулярно переводила на мой счёт определённую сумму денег. Шиковать я не шиковал, но и на дополнительную работу по разгрузке вагонов, охране объектов соцкультбыта и подметанию улиц не отвлекался.

Возвращаясь к вопросу о получении в Тюхтетской средней школе характеристики-рекомендации, двухгодичных курсах и очном обучении на механико-математическом факультете МГУ, думается, что наш семейный бюджет не «потянул» бы такие затраты. Поэтому в подплёке моих писем из Москвы, датированных апрелем 2001 года, и первого послесловия к этим письмам проходила моя нереализованная мечта семидесятых годов. А вот в этом втором послесловии к моим письмам из Москвы я эту свою нереализованную мечту обозначил явно. Но и явно обозначил тот факт, что мечта всё-таки была реализована, но не в МГУ, а в КГУ.

**Это я, выпускник
10 «А» класса
Тюхтетской
средней школы,
в июне 1972 года**

СОБРАТЬЯ ПО ПЕРУ

Стихи с картинками

1.

*Я напишу письмо Серёге,
Чтобы берёг в морозы ноги.
Ответит он: — Я голова!
Всё остальное — трын-трава.
И я, задав коню овса,
Облобызаю небеса.*

2.

*Я напишу письмо Ларисе,
Не слишком забираясь в выси,
Позволю речи быть прямой,
О снеге, пахнущем зимой.*

*И Анатольевна ответит:
— Пусть снег летит и солнце светит.
И я, задав коню овса,
Облобызаю небеса.*

3.

*Знаменитый Вольдемар,
Забодай его комар,
В Сухобузиме бузит
Так, что Солнечный грозит.
Он танцует летку-енку...
Все узнали Нестеренку?..*

4.

*Как в книжной лавке мощный слон,
Дугящий про чужие вещи,
Чичерин Александр силён
В Москве, Тбилиси и Одессе.
Проспекты Мира и Красраб,
Навстречу автору бегите.
А вот в Байките Саша слаб,
Зато уж я силён в Байките.*

5.

*В третьем годе был ковид?
Был! Зараза — цепкий!
Рубят лес, а что летит?
Ну конечно, щепки.*

*Черепашку-ниндзя «НЕЛ»-а
Узнавайте, братцы, смело.*

*P. S.
Исключенье: гнать, держать,
Кормит нас и поит.
А вот автора узнать
Дорогого стоит...*

6.

*Я напишу письмо Светлане,
Что наш Тюхтет незримо с нами.
Взбрыкнёт Светлана: — Мой Тюхтет!
В моём Тюхтете я поэт!..
И я, задав коню овса,
Облобызаю небеса...*

*P. S.
Знать бы мне, для чего написал все книги я.
Видно, был в этом всё элемент игры.*

*Ах, Тюхтет, мой Тюхтет, ты моя религия.
Ты и масло моё, и мои сыры...*

7.

*Я обожаю Мастерину
И разминаю в пальцах глину,
Чтобы сваять её портрет.
Милее Мастерины нет.
Она совсем не из кулём
Мне смастерила лётный шлём.
Вот смастерит нам самолёт,
И мы отправимся в полёт.
Пусть домовёнок слёзы льёт...*

8.

*Любовь не знает — если бы да кабы...
Влюблённые, в огонь вступают бабы...
И в воду — вслед за ними — мужики...
Николай Ерёмин. Земные заботы*

*Я стих прочёл и принял всё на веру,
Попробовал на практике внедрять,
Но оказалось: вдали инженеры,
Спецы по душам, мягко говоря.
Игу вчера по улице центральной,
Народу — сами знаете, весна.
И вдруг глаза красавицы печальной
Мне прямо в сердце смотрят из окна.
Ну, гдумаю, успех в любви нечаян.*

*Ей всё равно, золовка или кум.
Зашёл домой к ней, угостила чаем
С печеньем и конфетой «Кара-Кум».
Я ей шептал:*

— Любовь не знает кабы.

Ей и огонь, и воды — всё с руки.

Она ж в ответ ни «бэ»,

что значит — «бабы»,

Ни «мэ», что означает — «мужики».

Я осерчал:

— Прощайте, горогая.

Посуду мойте, подметаите пол.

Вы хороша, но мне нужна гругая,

Та, что в земных заботах знает толк.

Она кричала вслеп:

— Куда вы, милый?

Ещё немного чаю и халвы!

Я кукарекнул раз что было силы

И выбросил её из головы.

Всю ночь не спал я, мучили сомненья.

Пог утро просветлела голова:

Придуманы прекрасные мгновенья.

Теория без практики мертва.

